

Небольшое мирное поселение пастухов в предгорьях горы Ап Пали называемое Чум Чур жило своей безмятежной, незаметной для окружающего мира жизнью.

Редко и зло стрекотали на погоду сверчки, весь вечер и ночь накрапывал дождь. Из-за разросшегося орешника выглядывали несколько десятков домов с добротными мокрыми соломенными крышами. Стояла тишина.

До тех пор, пока покой вечернего полумрака не нарушил резкий, злобный собачий лай. По пыльной улице почти бежали два человека. Полуночники в окружении волкодавов, виляющих обрубками хвостов, остановились и настойчиво постучались в дверь старосты.

— Какого демона?! — из-за толстой стены послышался раздраженный заспанный голос главы поселения.

— Уважаемый Даал! Это мы братья Гогри, — встревоженные голоса соплеменников заставили солидного, дородного мужчину ускориться и открыть двери своего дома.

— Что случилось?! Заходите! — Он завел пастухов в небольшую боковую комнатку.

— Находка, уважаемый! Большая находка! — Пастухи присели на подушки, поприветствовали появившуюся хозяйку, безмолвно и быстро накрывшую для неожиданных гостей небольшой столик. Пришедшие попробовали сыр и хлеб, отпили крепкой настойки, похвалили, как водится, хозяина и хозяйку, справились о здоровье и детях. И только потом старший из братьев поведал о случившемся:

— Ты же знаешь, уважаемый Даал, мы с братьями сейчас пасем на южном склоне. — Староста кивнул: он хорошо знал, кто, где и с кем пасет общинные стада. Горец продолжал: — Давеча ночью было землетрясение и камнепад.

— Сильное землетрясение, — значимо добавил младший из братьев.

— Да, сильное, — подтвердил старший, осуждающе глянув на брата, мол, куда лезешь. — И еще, это было странное землетрясение.

— Чего же может быть странного в горной тряске? — оживился, заскучавший было, староста.

— А вот что, — таинственным голосом сказал пастух: — Обычно овцы, да и другая животины, загодя чувствуют приближение камнетряса. А на этот раз, будто и не ожидали вовсе. Тридцать лет пасу, но такого не видал: бараны, будто, враз обезумели. Сколько мы сил потратили, чтобы собрать отары. Слава Тфарду, все обошлось, — пастухи привычным жестом, отгоняющим плохое, постучали кулаком о кулак.

— Слава Тфарду. Слава Тфарду.

— Так какого рожна приперлись, раз все хорошо? — не вытерпев, возмутился староста.

— Как рассвело, мы нашли пещеру, видимо, сотрясение гор взломало замурованный проход. Войти не успели. Хорошо, нас один из псов спас, упредил. Помнишь Ночного Странника?

Староста кивнул, подтвердив:

— Хороший пес.

— Так его в ключья разодрало, уважаемый Даал. Будто лист лопуха на примочку, — вновь не

сдержавшись, вклинился младший из братьев. За что и получил тумак. А старший продолжил:

— Вот, что мы нашли на подходе, — горец, деловито раздвинув тарелки, выложил по центру стола здоровенный обломок скалы, где на одной из граней глубоко, глубиной на кулак была будто выжжена печать — снежинка, наложенная на солнце.

— Это оттуда, из пещеры, видимо, отскочила во время обвала, гляньте, — ткнул он пальцем, — по всему знаки Снежных Призраков. — Глава селения посерел лицом. С трепетом провел рукой по печати.

— Как они это делали? Отпечатано, словно на воске. — Он задумчиво поскреб подбородок, — это хорошо, что вы лезть туда побоялись, хрони древних очень опасны. — Тут староста засуетился, достал два серебряных империала, немного подумав, присовокупил к ним еще два и отдал братьям.

— Про находку молчите. Никому! — Братья охотно закивали, монеты исчезли в карманах старшего. Договорившись, староста быстренько убрал камень со стола. — Сейчас же возвращайтесь. Да присматривайте за этим местом. И, как договорились, держите рот на замке, если хотите получить еще серебра.

Без меры довольные братья, замеченные лишь собаками, ушли. А вскоре на конек дома главы горного поселения опустился почтовый голубь, посидел немного и взмыл в вышину.

Шестипалый нервничал и ругался про себя последними словами: тратить время попусту он не любил. Маг изнывал от монотонности и прибывал в крайней степени раздражения. Какой уже час он — великий, лучший ученик самого Юлгу — перебирал донесения, с вечера принесенные ему лично начальником тайной службы, после чего они поочередно беспощадно мялись и летели в пылающий очаг. С недавнего времени работы стало на порядок больше, это и понятно, соглядатаи получали вдвое больше прежнего.

— Нож в печень! Ну где мозги у этого узколобого?! — в сердцах поносил Шестипалый начальника тайной службы. — С какого рожна он вдруг решил, что это заслуживает моего внимания?! Моего! Придворного мага! — он нетерпеливо трепал в руках очередное донесение, где некий пасечник, видимо, не обделенный поэтическим даром и фантазией, в ярких красках описывал свою борьбу с соседом, таким же крестьянином, якобы использовавшим для воровства меда ни много ни мало черную магию.

— Мошки! Человечишки! — Огонь в очаге удовлетворенно запыхтел, поглощая очередную нелепость.

Следующая мизерная записка, доставленная голубиной почтой, смотревшаяся на столе мага лишь клочком пергамента, едва не отправилась следом в жадные всполохи пламени, но цепкие глаза некроманта в последний момент выхватили скрывающийся в корявых строках неумелый рисунок с изображением снежинки и солнца, наложенных друг на друга. Пришлось поднести записку к глазам. От прочитанного у мага затряслись руки.

— О, Маара! — Темный, не раздумывая, стал собираться в дальнюю дорогу. находка горцев очень походила на охранную печать Белого Братства. А это могло оказаться именно тем, о чем упоминала в своих наставлениях богиня Маара. Маг уже тешил себя надеждой на еще большее возвышение в глазах Императора Шиона. Радужные мечты омрачало лишь одно обстоятельство: необходимость использования дракона. Слишком далеко находилась гора Ап Пали от столицы Шиона, и без быстрокрылого ящера здесь было не обойтись.

Традиционно для некромантов он на дух не переносил этих бестий и все, что с ними связано. Когда-то, на заре веков, Белое братство при помощи драконов почти изничтожило некромантов, и темные до сих пор хорошо это помнили. Вся эта, с трудом скрываемая, злоба распространялась и на тех, кого называли «людьми драконов», делящихся на кланы поводырей и всадников. Боготворящих хищных гигантов, потерявших разум и уверовавших в какие-то старые пророчества о приходе Златогорбого — одного из детей Огненного Коромысла, якобы способного возродить былое величие Потерянного народа.

В пределах императорского дворца Круум было много впечатляющего и уникального. Но самым впечатляющим и уникальным казались башни трех ящеров. Подобного странного архитектурного чудачества во всем Сэрамэ было не сыскать. Очевидно, во время строительства великие древние ваятели изрядно злоупотребили галлюциногенами. По-другому и не объяснишь этакое архитектурное безумие. Три огромные башни без соблюдения каких-либо общепринятых пропорций, будто лианы, переплетаясь, поддерживали друг друга, а где-то там, на уровне облаков, в вышине, продуваемой всеми ветрами, громоздились надстройки, со стороны больше всего напоминающие гнездо. На самом же деле, это было место для взлета ящеров.

Драконы, вот уже пару сотен лет были последним и самым значимым аргументом в войнах Шиона. Хотя и оставалось их немного, всего девятнадцать. Девятнадцать потерянных крутогорбых ящеров.

Какая-то песчинка от былого величия, дунь, и пропадет навсегда. Да и были они уже другими: совсем не теми, упомянутыми в летописях о которых слагались легенды. Не теми, помогшими своими знаниями и силой возвысится человеческой расе. Это был всего лишь чудом сохранившийся осколок древнего мира, потерявший свою идентичность и память. Многие мудрецы Сэрамэ считали, что упадок драконов случился, как и все плохое в этом мире, во времена правления Первого Темного Императора Разделителя народов. Немногочисленные источники — манускрипты, сохранившиеся с древних времен — недвусмысленно указывают, что после великой битвы народов Сэрамэ, где был, наконец, низвергнут Разделитель Народов, драконы ужаснулись содеянному и окончательно разочаровались в знаниях и в своей роли учителей. За каких-то несколько столетий, некогда мудрые и многочисленные, они исчезли с лица земли.

Шионцам повезло больше других народов: в знаменитых Скрученных Башнях им удалось сохранить несколько кладок гордых ящеров. Отсюда и пошли драконы Шиона: сильные, как древние, и недалекие, как малые дети. Каждая из башен издревле жила по своему уставу и под страхом смерти хранила свои секреты и отличия. Всадники ночи с гербом в виде черного дракона, пожирающего солнце, были властителями неба в темное время суток. Всадники дня с гербом в виде лазоревого дракона, глотающего луну, господствовали в светлое время. Всадники Шиона принадлежали к личной охране императора и не без гордости несли на своих одеждах его герб: на сером фоне три сплетенных змея с меченосными хвостами. Даже с земли отличить парившего в вышине всадника не составляло труда. Поводыри добавляли в мясо ящеров только им известные компоненты, отчего одни твари становились угольно-черными, другие лазорево-белыми или серыми, как штандарт императора.